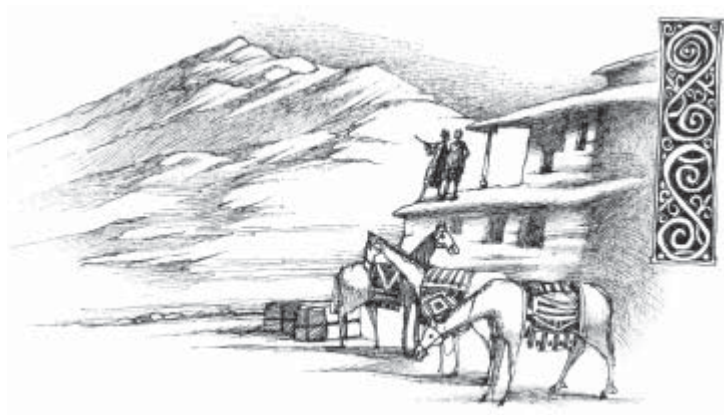

«НЕИЗВЕСТНАЯ АЗИЯ» ГАБРИЭЛЯ БОНВАЛО

Известный французский путешественник, географ и этнограф Габриэль Бонвало летом 1889 года, готовясь к новой экспедиции, направил телеграмму на Кавказ: «Если хочешь отправиться со мной в Китай, приезжай в Москву». Телеграмма была адресована узбеку Рахмату, другу, помощнику и постоянному спутнику Бонвало в прежних его путешествиях по Центральной Азии. Рахмат в Батуми ожидал парохода на Марсель, чтобы исполнить свою давнюю мечту побывать во Франции, посетить в Париже выставку. Получив телеграмму, он, не колеблясь, сдал билет и выехал в Москву. Как бывало не раз, он поделил с Бонвало все успехи и неудачи беспримерного зимнего восхождения на Тибет. Этих людей

связывала страсть к познанию нового, любовь к приключениям, «охота к перемене мест».

Пьер Габриэль Бонвало родился в 1853 году в Шампани и рано предпочел благодатным садам и виноградникам своей родины скитания по долам и весям. После окончания лицея он с 1873 по 1880 годы странствует по Европе, посещая Швейцарию, Германию, Скандинавские страны, Англию, Испанию, Италию. Он избегает университетов, но не пренебрегает ни их бесплатными курсами, ни «практическими занятиями» на полях и фермах. Вещевой мешок, карта и французский флаг порой составляли весь его «карavan».

Полный энтузиазма, крепкий физически, с нестраченными силами молодости, Бонвало получает от Министерства общественного просвещения Франции задание совершить поездку в Центральную Азию для изучения истоков возникновения рас.

Азия в 1880 году была мало знакома европейцам, лишь немногие смельчаки отваживались на путешествия в неизведанные страны. Габриэль Бонвало предвкушал необыкновенные приключения, возможность научных открытий и проникновения в тайны Востока.

Небольшая экспедиция, состоящая из Габриэля Бонвало и сопровождавшего его натуралиста Капю, началась в Москве, городе, наиболее удобном для снаряжения в дальнюю дорогу. Первоначально они доехали на поезде до Нижнего Новгорода, затем паромом до Перми, далее по железной дороге до Екатеринбурга. В Сибири, за Семипалатинском, экспедиция

повернула на юг, в Туркестан. Способ передвижения теперь был иной — тарантас, тряский, но прочный. Встречая на пути множество кочевников, путешественники достигли озера Балхаш, а далее уже простирался типичный степной пейзаж: стада, кибитки, скелеты верблюдов и лошадей. И заснеженные пики гор на горизонте.

Переправившись через реку Чу и передохнув в городке Мерке, путники миновали Таласскую долину и вступили на равнину, окаймленную отрогами Тянь-Шаня. 1 ноября 1880 года тарантас выехал в долину реки Чирчик и покатил по наезженной колее в Ташкент. Дорога была оживленной, и все указывало на близость большого города.

«Ташкент — каменный город, насчитывает тысячи лет своего существования, — писал Бонвало. — Сначала он назывался Чач и, по свидетельству местного историка Мухаммада Тошкенти, своим современным именем стал называться только во втором веке нашей эры».

Путешественники отмечают благоприятное географическое расположение Ташкента на пересечении караванных дорог Великого шелкового пути. По площади Ташкент равен Парижу, сравнивают исследователи, но насчитывает немногим более ста тысяч жителей. Это объясняется тем, что большинство горожан живут сельским хозяйством, и каждый владеет большим или меньшим садом, прилегающим к жилищу.

Старый Ташкент века был разделен на четыре района — даха, которые состояли из множества кварталов-

махалля. Как правило, название махалли отражало профессиональную принадлежность ее жителей. В махалле Даргез жили литейщики, в махалле Такачи — кузнецы, махаллю Игарчи населяли мастера-седельщики.

В этом многонациональном городе бросалось в глаза разнообразие типов и лиц. Основную массу населения составляли сарты, как называли оседлых узбеков. Среди жителей Ташкента были киргизы, татары, евреи, индусы, цыгане, афганцы, персы, кашгарцы. И все уживались между собой благодаря разнообразию занятий и своеобразному разделению труда. Бонвало обратил внимание, что местные жители носили традиционные костюмы, состоящие из хлопчатобумажной рубахи, широких и коротких штанов и халата с длинными рукавами, широкими у плеч и зауженными книзу. На ногах — сапоги из мягкой кожи, а поверх них кауши, на голове — шапочка-тепе или каллапуш. Люди духовного звания и состоятельные горожане носили большую чалму из муслина или шерсти. Женская одежда отличалась простотой — свободное платье и длинные шаровары, перехваченные у щиколотки вышитой тесьмой — джияком, поверх платья надевался жакет с узкими рукавами и халат.

Старый город состоял в основном из одноэтажных глинобитных жилых домов с плоскими крышами и окнами во двор. Лишь мечети и медресе были выстроены из жженого кирпича. На холме у старинного перекрестка Чорсу высился покрытый узорами из майолики портал медресе Кукельдаш. За ним виднелся купол главной ташкентской Джума-мечети.

Ташкентцы весьма почитали своих святых. Вереницы правоверных тянулись к гробнице шейха Хавенди ат-Тахура и мавзолею праведника Абу Бакра ибн Исмаила Каффала Шаши.

Бонвало отмечал, что главным местом общения для жителей Ташкента был базар — здесь не только делали покупки, но и узнавали городские новости, слушали проповедников и певцов-хафизов, показывали свое искусство фокусники и акробаты, потешали народ острословы. Одним из любимейших развлечений горожан были бои перепелок и куропаток, которые устраивались в большом саду на Шейхантауре. А в дни больших праздников толпы народа собирались на конную игру «улак».

Всю зиму путешественники провели в Ташкенте, а весной собрались в дальнейший путь. Но здесь непредвиденный случай заставил их изменить свой маршрут — они узнали, что в Ташкент, к генералу Кауфману, прибыло афганское посольство от нового эмира Кабула Абдурахман-хана, чтобы забрать на родину его семью, которую он оставлял у русских, пока сам завоевывал свой трон. Семья эмира, сопровождаемая русским эскортом, держала путь в Мазари-Шариф. Получив согласие генерал-губернатора, члены экспедиции присоединились к посольству и таким образом получили возможность продолжить путешествие в более или менее комфортабельных условиях.

Миновав Чиназ и Джизак, караван прибыл в Самарканд. Перед восхищенными взорами путешественников предстали великолепные архитектурные

сооружения города: величественная площадь Регистан, украшенная тремя монументальными медресе, «улица мавзолеев» Шахи-Зинда, бирюзовый купол усыпальницы Гури-Амир с прахом Амира Темура, портал и минареты мечети Биби-ханым, некогда самой крупной в Центральной Азии...

Путешественники обратили внимание на деловитых юношей в чалмах, шагающих по улицам с выражением учености на свежих лицах. В них без труда можно было узнать вечную породу студентов, в данном случае — студентов медресе, высших учебных заведений Востока.

Покинув Самарканд, караван двинулся в направлении Карши. На закате дня путники сделали остановку в долине колодцев Чоркудук, куда весной обычно перемещались кочевники. И сейчас караван был встречен детскими криками и собачьим лаем, мычанием коров и блеянием овец. Но за становищем путешественников уже ждал посланец бухарского эмира Ахмадулло. После обмена любезностями, он проводил афганских принцев и их свиту в лагерь, где уже был раскинут шатер и приготовлено угощение.

Бонвало с любопытством отмечал, как афганцы, туркмены и русские образовали три отдельных лагеря, отражавших их обычаи и привычки. Афганцы поставили свои арбы в одну линию так, чтобы скрыть своих женщин от нескромных взглядов, выставили часовых. Туркмены привязали лошадей и сами устроились рядом на кошмах, сняв оружие и верхнюю одежду. Казаки разбили лагерь на самой высокой точке, назначили часовых и, усевшись спиной к юртам,

стали приводить в порядок обмундирование и сбрую. На закате подошло время молитвы. Сначала мулла вознес хвалу Аллаху, затем старший из казаков произнес слова молитвы, и каждый из них словно подтверждал, что бог один, только вера разная.

За несколько километров до Карши, поднявшись на Кунгурские холмы, путешественники увидели живописную панораму города в обрамлении зелени садов. Казалось, все население вышло на улицы, чтобы увидеть «урусов». Мальчишки глазели с деревьев, женщины бросали взгляды с крыш, малые дети подглядывали из-за дверей.

Миновав толпу, путешественники вошли в дом, который им предоставил гостеприимный бек. Но люди не расходились, снедаемые любопытством, пока их не разогнали стражники. Бек проявил большой интерес к исследователям, задавал им вопросы о далекой стране, о здоровье и делах. Немного позднее пришли дервиши, выстроились и исполнили песню, мелодия которой потрясла французов, так как в точности совпадала с романскими церковными песнопениями. Странствующие цыгане-люди устроили перед домом настоящий спектакль с дрессированным медведем. Певцы-бахши развлекали путников игрой на рубабе и песнями о героических подвигах и любовных историях минувших дней. А вечером в честь гостей каршинский бек устроил вечер с танцами.

На следующее утро караван покинул город и, миновав большой кишлак, окруженный обширными фруктовыми садами, Бонвало и его спутники увидели, что оазис кончился и началась степь, где гулял ветер.

В течение долгих дней следования по старым тропам Великого шелкового пути путешественникам встречались туркмены — покорители степей, ехавшие в Карши со своим товаром — коврами; они видели древние кладбища, похожие на руины городов; останавливались у закрытых колодцев, очень глубоких, которые использовались только в самое жаркое время, когда все остальные источники воды уже пересыхали. Кочевники обустроивались вокруг таких колодцев, чистили их и приводили в порядок, а потом продавали воду проходящим караванам. Бонвало довелось наблюдать настоящий мираж в пустыне: перед его глазами возникло прозрачное озеро в обрамлении деревьев, напоминающих пальмы. В действительности это было только жаркое марево над царством песка. Но вскоре количество птиц в небе увеличилось, и в самом деле стало угадываться обилие воды. Чувствовалось приближение Амударьи. Еще один переход — и усталые путники у города Келифа вышли на берег великой реки.

«Ширина Амударьи, стиснутой в этом месте двумя известковыми холмами, около четырехсот метров, — отмечал в своих записках Бонвало. — Она наносит огромное количество песка, непрерывное перемещение которого почти каждый день изменяет фарватер. Хотя время паводка только наступает, река несет свои воды со скоростью, превышающей четыре километра в час. Переправа с одного берега на другой осуществляется при помощи четырех больших плоскородных паромов. Два из них принадлежат бухарцам, два — афганцам. Они приводятся в движение

лошадьми, которые тянут их там, где достают до дна, и плывут в тех местах, где глубоко».

Караван был встречен беком Келифа и остановился у подножия крепости, но на другом берегу уже виднелись белые шатры, приготовленные для принцев и их гостей. В первый же день афганцы и туркмены переправились на левый берег, в Афганистан, а на следующий день к ним присоединились русские офицеры и казаки. На бухарской территории остались только Бонвало со своим спутником. Но вскоре и они получили приглашение и несколько дней провели в гостях, на «заречной стороне». Дальнейшее путешествие нашим исследователям предстояло совершить в одиночестве.

Бонвало и Капю приняли решение провести исследования остатков поселений в Бактрии и на обратном пути, если удастся, посетить Бухару. Их маршрут снова пролегал вдоль Амударьи, древнего Окса, величественного, как море, на берегах которого в заросших камышом и тростником тугаях, гнездились куропатки, водились зайцы, кабаны и даже тигры. Позади виднелись отроги Байсунских гор, впереди — пустынная степь.

В селении Чушка-гузар был паром, но местные жители часто не желали платить паромщику и использовали старинные способы переправы через реку на надутой воздухом козьей шкуре или на большой связке тростника. Здесь французы встретили паромщика, который увидел европейцев первый раз в жизни и пригласил их на чай. Он оказался словоохотливым человеком, расспрашивал путников о жизни в далекой

Франции и сам рассказал им о происхождении развалин древних городов близ Сурхандарьи, о том, что заросли тростника изобильны дичью, а тигры порой по ночам подходят к селению и бывают слышны их грозные голоса. Путники полночи просидели в засаде, но, к сожалению, услышали только вой шакалов, которые устроили в их честь «вопиющий» концерт.

Следующим пунктом путешествия был Шерабад, звучное название которого означает «город льва». Он был построен в начале XVIII века Шералиханом из некогда могущественного племени кунград на месте древней крепости, стоящей на северной ветви Великого шелкового пути. На протяжении многих сотен лет отсюда по горным проходам через перевалы и по долинам рек пролегали караванные тропы из центральных областей Азии в Бактрию — Тохаристан и Индию.

Утопающий в зелени, как и многие другие города Центральной Азии, Шерабад состоял из крепости, в которой обитал бек, рынка и пригорода. Рынок был расположен возле крепости, чтобы обеспечить охрану торговцам. Жилище, которое путешественникам определил бек, не отличалось большими удобствами, но в комнате было прохладно и тихо, и они с удовольствием расположились на отдых.

Сын бека устроил в честь Бонвало и Капю необычное развлечение — соколиную охоту. Она состоялась в окрестностях города на прудах, населенных водоплавающей птицей. Ранним утром путешественники верхом выехали в сопровождении сокольничего, к седлу лошади которого был приторочен маленький

охотничий барабан, а на руке, одетой в перчатку, сидел сокол, голову которого закрывал кожаный колпачок. Сокольник сначала вспугивал птиц звуками барабана, а затем, резко сорвав колпачок, подбрасывал сокола в воздух. Из-за обилия птиц сокол без труда находил и убивал жертву ударом мощного клюва. Хозяин возвращал его на место, и все происходило сначала. Это было живописное зрелище, какого французы никогда не видели.

Вообще в этот первый месяц нового года было много увеселений: сказители, певцы, танцоры, канатоходцы переходили из города в город, из кишлака в кишлак и устраивали представления. На одном из празднеств сын бека познакомил Бонвало с неким Рахматом и отрекомендовал его как опытного проводника и переводчика. Рахмат был «сайех», то есть, по местному поверью, человек, которому не сидится на месте. Новый проводник рассказал, что его мать, когда была беременна им, совершала с караваном путь через пустыню на верблюдах и, вглядываясь вдаль, все пыталась узнать, что там таится. Вот и Рахмат стал вечным странником, пытающимся узнать, что впереди за горизонтом.

В Шерабаде путешественникам пришлось поменять лошадей, которые исправно служили им от самого Самарканда. Теперь крохотный отряд двинулся на восток вдоль горных отрогов, а затем через песчаные холмы к небольшому городку Джаркурган, где была маленькая фабрика по изготовлению растительного масла из семян хлопчатника, дыни, арбуза, льна, кунжута, смешанных в определенных пропорциях. Это

масло использовалось для приготовления пищи вместо бараньего жира, который был доступен только состоятельным людям.

От гостеприимного хозяина дома, в котором они заночевали, французы получили сведения о руинах древнего города, которые, как выяснилось, находились всего в шести километрах от Джаркургана. Поднявшись на вершину холма, Бонвало увидел вдали стройный минарет, устремленный в небо. Когда путешественники приблизились к нему, то различили остатки крупных сооружений X – XI веков, в которых можно было узнать мечеть, медресе, караван-сарай и баню. А место, на котором они находились, без сомнения являлось городской площадью. Высота выстроенного из жженого кирпича минарета достигала двадцати метров, его верхнюю часть украшали письма из Корана. Развалины древнего города простирались на восток до Сурхандарьи, а на западе они терялись среди холмов. Капю сделал набросок в своем альбоме, а Бонвало обмерил остатки сооружений и составил примерный план древнего города.

Еще в Ташкенте, разрабатывая маршрут экспедиции, путешественники постарались собрать как можно больше информации о древних городах Бактрии, где им предстояло побывать. Один из русских офицеров настоятельно посоветовал им посетить окрестности кишлака Паттакесар на Амударье, где, как он считал, находятся руины древнего Термеза.

Приближаясь к намеченной цели, они провели ночь в большом кишлаке в доме местного властителя. Днем хозяин проводил французов к святому

месту, которое он называл Султан-Саодат. Еще изда- лека они увидели мечеть, с виду неплохо сохранив- шуюся, и большой комплекс мавзолеев. Ансамбль зданий различной высоты и общей длиной около двухсот метров состоял из 143 погребений разного размера. Все они были ориентированы на запад и не имели никаких надписей, по которым можно было бы определить, кто в них покоится. Первоначально это место было выбрано в качестве некрополя для эмиров, а затем стало застраиваться усыпальницами членов царствующего дома по их вкусу и возможностям. Портал мавзолея, увенчанного огромным куполом, возвышался на пятнадцать метров и являлся самой высокой частью ансамбля. В нем покоился Хусан аль Эмир, основатель рода термезских Сейидов. Еще в древ- ности усыпальница была сложена из глазурованных кирпичей, по яркости цвета и тонкости работы вполне сравнимой с самаркандскими образцами. К со- жалению, некоторые кирпичи и даже целые фраг- менты уже были отколоты, по-видимому, местными жителями для своих строительных нужд.

На окраине комплекса находился скромный мав- золей. Внутри оказались четыре могилы. У одной из гробниц стоял шест с привязанным к нему конским хвостом, это и было место где, как говорят, был захо- ронен прах эмира Хуссейна — соратника знаменитого полководца Темура, а затем его соперника в борьбе за власть. Там же были похоронены одна из его жен и два сына. Действительно ли принадлежала эта моги- ла Хуссейну, путешественникам определить так и не удалось.

Всего в двух километрах от ансамбля мавзолеев Султан-Саодат путешественники увидели замечательное сооружение — четырехугольную крепость с романтическим названием Кырк-Кыз, или «Сорок девушек». Стены крепости были точно ориентированы по сторонам света, мощные угловые башни, казалось, могли отразить осаду чужеземцев. Бонвало и Капю провели здесь несколько дней, посвятив их осмотру и зарисовке зданий. К сожалению, им не удалось произвести детальные раскопки, которые, несомненно, дали бы находки, проливающие свет на историю Бактрии.

Когда путники прибыли в кишлак Паттакесар, они увидели в восьми километрах от селения, на возвышенном берегу Амударьи, остатки Старого Термеза — крепость, которую можно было распознать по сохранившимся башням на западном фасаде и полуразрушенной стене длиной около километра со следами больших ворот. Аксакалы из кишлака рассказали Бонвало, что некогда здесь был большой город Термез, история которого уходит в глубь веков. Здесь, на Сурхандарьинской земле, стояли воины Александра Македонского, правили могущественные цари из рода Кушан, в средние века процветали ремесла и торговля, и через город шли караваны с товарами во все концы света — от Китая и Индии до Египта и Византии. По преданию, осенью 1220 года Чингисхан разбил свой военный лагерь близ Термеза. Предложив жителям города сдаться и получив отказ, он начал осаду крепости и, взяв ее штурмом к концу девятого дня, истребил все население.

Путешественники произвели археологические обмеры старой крепости, а рядом с ней обнаружили почти неповрежденный временем исторический памятник — усыпальницу Хакима ат-Термизи, духовного покровителя города.

Несколько ниже по течению Амударьи исследователи увидели удивительную постройку: посередине реки на островке Пайгамбар, среди тугайных зарослей высилась мечеть, а при ней небольшой мавзолей. По преданиям, в старом Термезе жил пророк Зуль-Кифль. Рассказывают, что перед смертью он пожелал, чтобы тело его положили в лодку, пустили ее по реке, и похоронили его в том месте, где она пристанет к берегу. Лодка остановилась посреди Амударьи, на глазах правоверных здесь образовался остров, на котором и похоронили усопшего.

Жара усиливалась, и горячий ветер, дующий со стороны Афганистана, донимал путешественников. Они решили направиться на север. Когда они двигались по обрывистому берегу Шерабадарьи, им пришлось пережить внезапно обрушившиеся ливневые дожди. Исследователи вынуждены были переправляться через бушующий поток, карабкаться по горным тропам. Одна из вьючных лошадей поскользнулась на мокрых камнях и упала на бок. Встретившиеся им паломники помогли поднять лошадь. Новый проводник Рахмат оказался незаменим в преодолении тягот пути.

Лишь в горном кишлаке Сайроб маленький отряд получил передышку. Как только тучи рассеялись, Бонвало и Капю отправились на скалы собирать

растения. После монотонности степей и пустынь горный край показался им почти райским местом.

Из Сайроба экспедиция держала путь по живописной долине, встречая пеших путников, всадников, караваны вьючных животных. Ведь именно этой дорогой проходили купцы с грузом шелка и пряностей, шли паломники к святым местам Бухары и Самарканда, двигались армии Чингисхана и Темура. На перекрестке дорог из Денау, Карши и Шерабада путешественники нашли приют в старом караван-сараяе, построенном еще Абудуллаханом. А утром необычное зрелище привлекло внимание исследователей. В этих живописных местах, в кишлаках Шураб и Байсун, жили узбеки из древнего племени кунград и каждую весну они перекочевывали со склонов Байсунтога в долину вместе со своими семьями. Такой переезд обставлялся как праздник — мужчины и женщины надевали лучшие одежды, украшались уздечки и кожаные седла лошадей, а сабли покрывались серебряными накладками. Шла вереница верблюдов, нагруженных коврами переметными сумами.

Наши герои решили провести в этой прекрасной долине несколько дней, чтобы привести в порядок свои записи и систематизировать собранные коллекции. Когда они попросили местных узбеков установить для них юрту во дворе караван-сарая, оказалось, что, по обычаю, это могут сделать только женщины, которые блестяще справились с таким непростым делом.

Прежде чем совершить путешествие в Бухару, Бонвало отправил джигита в Самарканд, откуда тот

должен был привезти рекомендательные письма от генерала Кауфмана для безопасного посещения владений бухарского эмира. Гонец вернулся с вестью, что генерал болен, и поездку в Бухару пришлось отложить до его выздоровления. Исследователи посчитали за лучшее как можно быстрее добраться до Самарканда. Путь их лежал на запад через степь к Шахрисабзу, родине Темура.

Когда маленький караван вступил в город, путешественникам показалось, что они попали в средневековое поселение с узкими извилистыми улочками, базаром, перекрытым кирпичным сводом, и различными древними сооружениями. Бонвало писал: «Темур первоначально хотел сделать свой родной город столицей. Но затем он выбрал для этой цели Самарканд, чье географическое положение на пересечении центральноазиатских дорог было более удобным».

Бек Шахрисабза пригласил путешественников осмотреть резиденцию эмира и его семьи, охранявшуюся стражниками. Резиденция располагалась прямо напротив огромного портала, покрытого глазурованными плитками, — единственного, что осталось от дворца Ак-Сарай, построенного Темуrom. Но даже эти живописные руины давали представление о большой красоте этого архитектурного шедевра.

Бонвало отметил, что гораздо лучше сохранился ансамбль Дорус-Тиляват, состоящий из мавзолея, в котором похоронен духовный наставник Темура Шамсиддин Кулол, мавзолея Гумбази Сейидон и соборной мечети Кок-Гумбаз, получившей свое название за небесно-голубую облицовку огромного купола.

Посетив другой средневековый архитектурный ансамбль — Дорус-Саодат, Бонвало с удивлением узнал, что рядом с соборной мечетью Хазрат-Имам и гробницей сына Темура Джahanгира сохранился склеп, сооруженный Темуrom для самого себя — ведь в Самарканде ученые видели мавзолей Гури-Амир с могилой великого повелителя.

Через несколько дней путешественники пересекли границу владений Бухарского эмира и вновь оказались в русском Туркестане. Спустившись с гор, они внезапно увидели появившийся перед ними Самарканд, лежащий в Зеравшанской долине, по словам Бонвало, «как букет, упавший на зеленый ковер».

Трофеи, собранные в экспедиции, — коллекции насекомых, растений, археологические находки и обмеры исторических памятников требовали скорейшей обработки и систематизации, научного анализа. Бонвало и Капю, не задерживаясь в Самарканде, через Бухару и Баку возвращаются в Париж. Вскоре во Франции была опубликована его книга «Из Москвы в Бактрию», имевшая необыкновенный успех и принесшая ученому популярность.

Бонвало ощущает «опьянение от покорения огромного пространства» и вынашивает новые грандиозные замыслы. В следующем путешествии он воссоздает путь следования Александра Македонского, пройдя через Персию, вдоль Каспийского моря, пересекает Кавказ и вновь конечной точкой его маршрута становится Центральная Азия. Он делает попытку проникнуть в Афганистан, однако члены экспедиции, в состав которой кроме Бонвало входили

Капю и художник Перен, оказываются в плену у вождя одного из афганских племен. И только благодаря энергии Бонвало и вмешательству английских дипломатов, пленники оказались на свободе. Пройдя всю Индию от Кашмира до Карачи, Бонвало на корабле вернулся во Францию, где Географическое общество вручает ему золотую медаль.

Стремясь дополнить свои исследования Центральной Азии новыми открытиями, Габриэль Бонвало проводит зиму 1886 года в Самарканде и разрабатывает план восхождения на Памир. Никто до него не прокладывал тропы на обледенелых кручах «Крыши мира». Его попытка сначала была расценена как безумная, по меньшей мере невыполнимая, ему предсказывали скорое возвращение или губительную неудачу. Однако экспедиция успешно состоялась весной 1887 года.

В июле 1889 года путешественник вновь отправляется за приключениями, на этот раз он планирует сухопутный переход из Москвы через Центральную Азию в Индокитай.

Наверное, странное впечатление оставил бы у непосвященного человека состав экспедиции 1889 года. В него входили: проводник узбек Рахмат, переводчик татарин Абдулла, бельгийский миссионер отец Дедекен, французский принц Анри Орлеанский и, наконец, сам руководитель географ Габриэль Бонвало. Но ученого не смущала пестрота его «личного состава». Он знал людей и умел в них разбираться. А начинал с требований к самому себе: быть примером во всем. Особо ценил Бонвало старых товарищей, с которыми

уже совершал путешествия по неизведанным местам, таких, как Рахмат. «Рахмат по происхождению узбек, — писал Бонвало, — он принадлежит к одной из ветвей этой прекрасной тюркской расы, которая насчитывает так много мужественных людей, и я никогда не устану это повторять».

Большинство европейских путешественников по азиатским просторам совершают свои экспедиции летом, которое так и называется — полевым сезоном. Некоторые предпочитают зиму — за укутанные дороги и замерзшие реки. И лишь немногие отваживаются на зимнее путешествие по горам, которое, как правило, бывает сопряжено с постоянным риском для жизни и требует от землепроходца, пожалуй, самого трудного — повседневного героизма. Габриэль Бонвало, следуя в 1889 году от озера Балхаш, перевалив через горы Тянь-Шаня в Китайский Туркестан, Кульджу, минуя долину Тарим и озеро Лобнор, совершает беспримерный зимний переход через восточный Тибет.

Странствуя по Китайскому Туркестану, исследователи то и дело встречают людей самых различных национальностей, что свидетельствует о процессах миграции, которым способствовало «двухстороннее» движение народов по Великому шелковому пути. Когда путешественники проникают в долину Тарима, «Рахмат не скрывает удивления, услышав здесь родной язык, и начинает думать, что узбеки живут повсюду», — замечает Бонвало. В Синьцзяне, недалеко от города Курля, экспедиция останавливается у крепости, построенной Якуб-беком, выходцем из Ферганы. Судьба сделала этого человека правителем

Кашгара. В течение нескольких лет он строил здания, проводил оросительные каналы, организовал армию из двенадцати тысяч солдат по западноевропейскому образцу. Он окончил жизнь в крепости, им построенной, отравленный своим первым министром.

Преодолевая Тибет, путешественники испытывали мороз и «горную болезнь», карабкались через снежные перевалы высотой до пяти тысяч метров, теряли людей и выючных животных. «Пропали верблюды — вот новость, услышанная нами сегодня, — такова одна из записей в дневниках Бонвало. — Я взбираюсь на песчаный холм и издали вижу наших всадников, ведущих беглецов; кроме них, кругом никаких следов жизни. Волны песка да на горизонте туманные горы... Невольно удивляешься огням лагеря, голосам людей, реву верблюдов. Здесь жить нельзя, такие места можно только проходить, и полотняная палатка представляет единственное удобное жилище в этой негостеприимной пустыне». Самым драматическим происшествием этого путешествия было тридцатичасовое отсутствие Рахмата, блуждавшего по враждебным горам в поисках пути.

Примитивное горное оборудование, скудные продовольственные припасы вынуждали участников экспедиции порой вести настоящую борьбу за выживание среди дикой природы, в окружении полудиких, часто недружелюбных горцев. «Наш лагерь был расположен приблизительно на высоте 5300 метров, — пишет Бонвало, — очень холодно. Ветер намел в трещины немного снега. Осторожно его собираем. Из него делаем воду для людей, а остаток туго набиваем в питьевые

лотки для наших лошадей. Они глотают снег с истинным наслаждением. Мы его мешаем с ячменем».

Выйдя победителями из борьбы с суровой природой гор и пустынь, участники экспедиции достигли Красной реки и прибыли в Ханой. Все путешественники, включая проводников и переводчиков, почувствовали, что они стали друг для друга больше, чем попутчики, и прощались перед расставанием со слезами на глазах.

В Париже Бонвало ждали триумфальный прием и еще одна золотая медаль Географического общества. Точное описание природных особенностей Памира и Тибета в книге «Неизвестная Азия» выдвинуло его в первые ряды исследователей Центральной Азии. В парижском Музее истории регулярно экспонировались коллекции, собранные ученым во время его путешествий.

Скончался Бонвало 9 декабря 1933 года в Отейе, под Парижем. Он любил повторять в конце жизни: «Путешествовать, прикоснуться к неизведанному — это самое большое наслаждение».

